

- ! - Боден в ужасе подскочил на диванчике. Лицо его посинело от злости, но четверо остальных в комнате, кроме него и Орвицки, включая его спутника Синего колпака, хоть и не смотрели на Бодена взглядом "сам виноват", как другие, но предпочли молча отойти в сторону, словно не желая вмешиваться.

Орвицка, не обращая больше внимания на униженного Бодена, вернулся к готовке. Нашинковал брюкву, посолил, отжал воду. Нашинковал картофель и капусту. Смешал все три вида овощей, посолил, перемешал. Добавил жареные яйца, снова перемешал.

Орвицка не стал демонстрировать свое мастерство раскатывания теста одной рукой, а честно раскатал толстые лепешки обеими руками, завернул в них овощную начинку и положил жариться на сковороду, смазанную сливочным маслом. Когда рулетики из брюквы слегка подрумянились, добавил немного мучной воды. Что поделать, крахмала сейчас под рукой не было, и это сойдет. На одной сковороде за раз помещалось три рулетика, две плитки, две сковороды - итого шесть штук за раз.

После того как Орвицка "приправил" Бодена содержимым таза, больше никаких происшествий не случилось. В кабинете стало скучно и тихо, слышался только ритмичный стук ножа и аппетитное шипение сковородок Орвицки.

Старый Максвелл из любопытства спросил, почему Орвицка так ловко режет овощи, но Орвицка ответил, что "любит готовить и тренировался в свободное время", и больше никто ничего не сказал.

Это немного не соответствовало образу прежнего владельца тела - юноша, обедавший в столовой частной школы, и не думал сам готовить. Но у него всегда было какое-то личное время, о котором другие не знали. Орвицка сказал, что в это время он учился готовить, и никто не мог возразить.

Людям стало скучно. Бони, прислонившийся к двери, уже дважды успел задремать. Он явно хотел уйти, но, посмотрев на мрачного Бодена, решил остаться.

На сковородках зашипело, и постепенно начал распространяться дразнящий аромат.

Королевский полицейский, сидевший рядом со Старым Максвеллом, пошевелил носом, поднял чашку и сделал еще глоток. Только тогда он заметил, что чашка пуста.

- Разве брюква так пахнет? - спросил он тихо у Старого Максвелла.

- Не знаю, - покачал головой тот.

Брюква была пищей низших слоев. Они, люди не самого высокого, но и не низкого происхождения, в жизни не прикасались губами к этому овощу.

Первый рулетик из брюквы был готов. Орвицка переложил его на тарелку и начал есть.

Брюква была мягкой на вкус, пресноватой. В сочетании с капустой, картофелем и жареными яйцами, приправленными только солью, рулетик нельзя было назвать деликатесом, но и невкусным он тоже не был. Настроение Орвицки немного улучшилось - как-никак, он бесплатно пообедал.

Готовых рулетиков становилось все больше, и кабинет наполнился густым ароматом еды - в основном запахом теста, жаренного на сливочном масле.

В обычном состоянии эти господа в кабинете максимум бы заметили: "Как вкусно пахнет". Но сейчас близился полдень, и все они, пришедшие довольно рано, уже начали чувствовать голод.

Они невольно поглядывали на две сковороды и на Орвицку, который ел с легкой улыбкой, чуть приподняв уголки губ.

Ел он очень аккуратно. Даже несмотря на то, что ел быстро, в его манерах не было ни капли грубости.

А когда он ел, его взгляд был полон сосредоточенности и трепета. Глядя на него, невольно начинало казаться, что его еда очень вкусная.

Гур-гур

Не спрашивайте, чей это живот заурчал. Спросите - и все, кроме Орвицки, невольно втянули животы.

Орвицка продолжал усердно поглощать еду.

Орвицка предпочитал соленое, умами, сладкое и слегка острое. Соевый соус и устричный соус были его фаворитами. Он мог с удовольствием есть рис, просто политый соевым соусом с небольшим количеством воды. Сейчас Орвицка ел, уже не чувствуя насыщения. После того как еда попадала в рот, все его ощущения сводились к текстуре и вкусу. В итоге ему становилось все безвкуснее.

Продолжать есть его заставляла только любовь к яйцам. Он заставлял свой язык искать в рулетиках вкус жареных яиц. Соевый соус был его любимой приправой, а яйца - любимым продуктом. Кто-то говорил, что есть яйца каждый день надоедает, но не ему. Есть яйца каждый день, каждый прием пищи, даже если это просто вареные яйца - он любил их все больше и больше.

Конечно, еще была хрустящая корочка на дне рулетиков. Хотя она и была немного твердой, но эта текстура тоже доставляла удовольствие.

Именно это сосредоточенное выражение лица Орвицки, ищущего вкусовых ощущений, еще больше разжигало голод у остальных.

Гур Гур-гур

Звуки урчащих животов становились все громче, раздаваясь то тут, то там. Все сохраняли невозмутимые лица. И красные, и синие мундиры продолжали улыбаться, словно их животы не урчали, и чужие тоже, а они просто собрались на послеобеденный чай.

- Мондэйл, дай мне один, - Бони усмехнулся своим коллегам, подошел и протянул руку прямо к Орвицке. - Я голоден.

- Он... - Боден тут же вскочил, чтобы остановить его.

- Хватит! - перебил его Бони. - Все знают, что все это сегодня - просто фарс. Неужели то, что этот ребенок съедает за день еды на 6 айко - это что-то невероятное? Твоя чашка чая с молоком стоит 10 айко, а то и больше. Кто-то запер тебя в комнате и пичкает брюквой? Он же еще ребенок!

- Возможно, однажды он купил немного больше мяса, а на выходных обнаружил, что ему грозит голод, и поехал за город купить дешевой картошки и бобов. Боже, неужели это так трудно понять? - вмешался Синий колпак, все это время сосавший трубку. Он слегка покраснел. Отвернув голову в сторону, он выпустил кольца дыма.

- У меня достаточно свидетелей, все говорят, что он убийца! - упрямо твердил Боден, глядя на Орвицку. - Вы его покрываете, он убил шерифа. Не надо прикрываться какими-то бумажками как доказательством его невиновности. Если бы он не убил, зачем бы ему просить мэра написать ему такую бумагу?

Орвицка молчал, продолжая есть.

- Хаусен Боден, ты всегда был дураком, - безжалостно констатировал правду другой Королевский полицейский. Он поправил форму и, вставая, продолжил: - Думаю, ты уже достаточно разузнал о происхождении этого ребенка, прежде чем прийти сюда. Ты должен знать, что у него не было никаких корыстных мотивов в отношении того шерифа.

- Он сейчас Королевский полицейский, но всего лишь патрульный низшего ранга. Зачем ему убивать?

- Просто ради удовольствия? Он мог бы найти бродяг. Убивать на своем участке гораздо разумнее, чем ехать за город в форме. Наняли? Убийство из ревности? Посмотри на его лицо, ты думаешь, кто-то наймет такого? Что касается убийства из ревности...

Королевский полицейский вздохнул:

- И хватит уже говорить о свидетелях. Когда все эти свидетели связаны с погибшим корыстными интересами, их показаниям нельзя доверять. Посади их всех в тюрьму на пару дней, и ты узнаешь больше, чем издеваясь здесь над ребенком.

Королевский полицейский решительно встал и вышел из кабинета. Старый Максвелл проводил его.

Синий колпак с трубкой тоже встал:

- Хаусен, мы с твоим отцом - хорошие друзья. Но если ты будешь продолжать в том же духе, прости, я больше не смогу тебе помогать. В конце концов, у меня тоже есть семья, моей жене и детям нужен муж и отец с хорошей репутацией, а не посмешище.

- Если ты действительно хочешь стать хорошим полицейским, как твой отец, тогда...

Тогда что? Синий колпак с трубкой не договорил. Он убрал трубку в маленький кожаный мешочек, который носил с собой, и тоже вышел из кабинета.

Боден уставился на свои ботинки. На них все еще были пятна грязи. Он поднял свой грязный пиджак и, не говоря ни слова, тоже покинул кабинет.

Кабинет начальника мгновенно опустел. Бони ткнул пальцем в задумавшегося Орвицку:

- О чем думаешь?

- Разве полиция Нортонской империи существует не всего двенадцать лет? - спросил Орвицка, отрываясь от своих мыслей.

- А сколько, по-твоему, лет Хаусену Бодену? - усмехнулся Бони.

У Синего колпака Бодена были усы только над верхней губой, но зато две пышные пряди. В уголках глаз и по бокам носа виднелись морщины.

- Около сорока? - предположил Орвицка.

- Нет, ему двадцать семь, - рассмеялся Бони. - Дорогой, не все выглядят так молодо и мило, как ты.

- ... - Хотя Орвицка знал, что Бони говорит правду, ему все равно было не по себе от комплимента.

Но этому парню двадцать семь? Боже, как же он старо выглядит.

- Ладно, не думай об этом. Это дерьмо уже позади. Дай мне вот это, - Бони не знал, как назвать рулетик из брюквы. - Я не такой лицемер, как эти, чтобы не есть брюкву.

Брюква была пищей низших слоев. Даже если их животы урчали от голода, и им было любопытно попробовать эту еду, они все равно предпочли уйти.

- Разве мы не должны сначала убрать здесь? - спросил Орвицка, но все же отдал Бони один из трех только что приготовленных рулетиков.

- Не обязательно. Можно и после еды, - Бони откусил кусок, и выражение его лица стало немного странным. - ...Разве брюква такая на вкус? Она вкуснее пиццы. Такой свежий вкус! Я... я влюбился в нее! Боже! Это просто восхитительно! Дай мне еще один!

Пока они ели, вошел Большой Мак. Он все это время стоял снаружи и, конечно, видел, как начальник и остальные ушли.

- Помощь нужна? - спросил он.

- Скорее сюда! Мак! Ты должен это попробовать! Боже! Это просто божественное благословение! - воскликнул Бони, схватил оставшиеся два рулетика, по одному в каждую руку, один съел сам, другой протянул Большому Маку.

Большой Мак подошел и взял рулетик:

- О, неплохо, - сказал он спокойно.

- У тебя язык мыши съели?! - Бони вытаращил глаза, преувеличенно возмущаясь.

Большой Мак пожал плечами, отвернулся, не желая менять свое мнение и спорить с Бони.

Видимо, дело было во вкусе. Бони, выглядевший бунтарем, любил легкую и свежую пищу, а Большой Мак, судя по их походу в пиццерию, был явным мясоедом.

Орвицка повернулся и продолжил жарить рулетики. Раз уж ингредиенты были готовы, лучше было доделать все до конца, а потом уже убирать.

Позже, неизвестно кто позвал, пришло еще немало патрульных, которые взяли по одному-два рулетика на обед. Большинство, как и Большой Мак, отнеслись к ним ровно, посчитав вкус приемлемым. Но были и те немногие, кто, подобно Бони, пришел от рулетиков в восторг.

<http://bllate.org/book/17916/1715777>